ПУТЬ В САНТЬЯГО
Рецензия на книгу «Новые пилигримы»
Автор: Ольга Равченко, писатель, член МГП

1. **Суть вопроса**

В альманах «Новые пилигримы», по традиции, я попала в последний миг по подсказке Татьяны Кайзер, и счастлива, потому что, во-первых, пилигрим – одно из моих любимых слов, во-вторых, я была в Сантьяго-де-Компостела. Следует отметить, что изначально проект «Путь Святого Якова» был чисто коммерческим предприятием.

Редактор сборника «Новые пилигримы» разъясняет цель предприятия: писатели – пилигримы, – и призывает каждого писателя стать поводырём: светочем – источником истины и просвещения, – но предупреждает: назад дороги нет.

Участников нашего проекта просили ответить на вопрос, каким должен быть человек в современном мире, и что такое успех. В предисловии к сборнику перечислены аспекты успеха и дана характеристика успешного человека. Редактор не навязывает собственное или коллективное мнение, а предлагает читать, размышлять, анализировать!

Лично я ответила так: «

***

Однажды мой сын ужаснулся: «Ты – не кандидат наук?!» Поскольку ряд моих подруг были не просто кандидатами, но и заведовали университетскими кафедрами. Я спокойно ответила, что сделала карьеру человека. Это – моё главное достижение в жизни.

***

Толерантность сегодня – превыше всего. Резистентность. Желательно иметь своё лицо – то есть отличаться от других. Естественно, в лучшую для Человечества сторону.

***

Человек должен быть умным. А если он действительно умён, то всё остальное прилагается (то есть идёт в комплекте, включая чувство юмора).

А ещё – любить бескорыстно, наверное».

Мнения других пилигримов с моим мнением совпадают.

2. **Искусство – быть хорошим**

В альманахе около 340 страниц.

Стихотворение без названия Ирины Яворовской вынесено на обложку книги:

Не мы меняем жизнь,
а нас она:
кого заметно, а кого – не очень,
и было так в любые времена,

и будет, что себе ни напророчим.

И пусть она у каждого своя,
и пусть пути её неповторимы,
на непростых ступенях бытия мы,
как ни кинь, всего лишь пилигримы.
[…]

О жажде странствий и стихотворение Татьяны Бадаковой «Память»:

Манят меня светлые дали,
Будоражит неизвестность дорог.
Кровь ойрата-кочевника зря ли
В моих жилах калмыцких течёт?!

Лишь закрою глаза и представлю:
Ветер, степь, табуны лошадей
Подхватили меня и помчали
В неизведанность жизни моей.

А начну я обзор с рассказа Альбины Гарбуновой «Когда б я мог сорвать всеведенья цветок», повествующий о знакомом с детства реально существовавшем персонаже – Ибн Сине, о котором классе в шестом Альбина узнала из радиопередач «Театр у микрофона».

Пятилетний мальчик поступает в школу и со временем превосходит в знаниях не только одноклассников, но и учителей. «И в школе ему стало тесно. К великому счастью мимо тех мест, а всё происходило в конце десятого века близ Бухары, проезжал известный учёный Патоли. К ещё большему счастью, гению достался мудрый отец. Он уговорил учёного задержаться в их доме на неопределённое время. Дал ему кров, стол, достойное жалование, возможность продолжать свои изыскания, лишь бы только Патоли учил его сына».

С огромным удовольствием прослеживаю путь к успеху великого учёного в изложении Альбины и даже мечтаю вернуться на тысячу лет назад – в древнюю Персию, в которой, вероятно, «к детям относились как-то по-другому? Не новый айфон мчались дитятке покупать, а шли с ним на книжный развал?»

Вместе с Альбиной читаю на надгробии Мавзолея – разумеется, в оригинале, на фарси-дари – четверостишие:

От недр Земли и до колец Сатурна
Я жизнь постиг и, кажется, недурно,
Из всех ловушек дьявола бежал –
Лишь узел смерти я не развязал.

И, взирая на небо, возношу вместе с Альбиной благодарственную молитву, обращённую к душе Ибн Сины: «Спасибо, учитель! Спасибо за любовь к знаниям!»

Из поэтической подборки Славки Мариновской приведу лишь одну цитату – из «Женщины вне сезонов»:

Невероятно чистое,
неподкупное дитя
смешивает краски
бегом по росе.
Иногда просто мальчик
селится во мне.

Камнем воду пугаю
и приёмом неженским,
уздой жизнь покоряю,
как жеребца сумасшедшего.
Нет у меня возраста. Я девушка –
как небо нехоженое,
и любовь к мальчику постаревшему
ни на что не похожа.

Первое чудо или восьмое?
Я сотворяю мир!

Когда-то, читая очередную книгу о блокадном Ленинграде, я возмутилась: молодой мужчина продал все оставшиеся ценные вещи и купил не хлеб, а гитару!

Сегодня спокойно воспринимаю рассказ Мины Карагьозовой: «Экстаз. Светлой памяти моего деда Атанаса»: «Он прошёл через ад холерных лагерей во время Балканской войны, не успел обрадоваться короткому миру, когда был мобилизован в Междусоюзническую... Но во время Первой Мировой войны он впервые с ужасающей ясностью ощутил всеохватный порыв планеты к самоуничтожению. Смерть была повсюду, она стала сущностью живых и неживых созданий. Какая-то гигантская воронка будто засасывала всё, мир искривлялся и чернел перед тем, как исчезнуть в небытие», – но, когда предстояло сделать выбор между котомкой хлеба и мандолиной, Атанас предпочёл последнюю – чтобы не терять присутствие духа.

«Однажды вечером пронеслась новость, что поймали двух дезертиров, они приговорены к казни военным трибуналом и немедленно будет публичная экзекуция. Приговор был прочитан перед молчаливыми солдатами полка и, чтобы соблюсти правила, спросили приговоренных об их последнем желании. Они захотели услышать песню „Ай-да ты, прекрасная девушка“, и чтобы Атанас сыграл её на мандолине».

Тогда ему довелось пережить Божественный экстаз – ощутить мир настолько единым и прекрасным, что не допускаешь и мысли о том, что кто-то может умереть: «…переживание, которое мистики называли “единением с миром”... Теперь он это знал. Знал – что это такое: потерять границы своего физического существа и испытать экстаз слияния со Вселенной».

Атанас прожил более полувека после той ночи, дождался внуков и правнуков, и «все эти годы почти каждую ночь он вспоминал экстаз, пережитый во время расстрела, и не знал переживёт ли это снова».

Подборку Аллы Кречмер я бы обозначила одним единственным штрихом: «А разве память – не любовь?»

Максим Сафиулин утверждает: «Хороший человек – это искусство», – и с ним не поспоришь. Максим также делится размышлениями о человеке, на которого хочется быть похожим, и современном человеке – представителе клана «бедных: духовно не образованных и не развитых»: «Мы все обленились. Не хотим общаться, выходить из квартир и делиться собственным мнением с окружающим миром. Поэтому своё мнение чаще всего оставляем при себе. Если рассматривать современного человека как самостоятельную единицу социума, то ему повезло родиться во время великих технологий и великих возможностей. Он легко может найти интересующую его информацию, однако также быстро её забывает. Потому что к легкодоступной информации нет уважения. Я называю это явление “техникой НИЗа” – На шёл-использовал-забыл».

«Девятый пилигрим» Тони Твист – современная добрая Рождественская сказка про маршрут «2020», отправляющийся в 20:20 (по московскому – прошлому ли времени?). Даже осмелюсь предположить, почему приглашавший на посадку пилигрим в белом одеянии с капюшоном преградил путь бомжу:

– Двум Бестужевым нельзя. Он девятый.

«Всем любви и счастья!» – желает Аньте Зонних, рассуждая о том, что после недавних событий 2020 года современный человек если не изменился, то, по крайней мере, начал трансформацию, и важно всё старое, пережитое отправить в архив, развиваясь индивидуально, но в со-творчестве с другими. Важно также быть свободным и самим собой, делиться творчеством, любить друг друга и проявления этого неповторимого мира!

Виктория Левина начинает свою поэтическую подборку «Эта улица зовётся шнуро́м…» толкованием: «Старинный бременский квартал моряков – Шноор, т. е. шнур, потому что все дома здесь, словно „жемчужины, нанизанные на шнур“. На фасаде статуя Св. Якова, покровителя пилигримов. В Средние века Бремен был исходной точкой для пилигримов в их паломничестве в Сантьяго де Компостелла в Испании. А монашеское братство Св. Якова предоставляло паломникам прибежище, построив для их ночлега постоялый двор», – и не ограничивается Бременом, Вероной, Барселоной, Гаваной или Москвой (Старым Арбатом):

Кто я, где я, что мне делать, кем мне быть теперь на свете:
то ль разменною монетой, то ли гривной золотой?

Наработать хлеба детям, пригласить удачу в гости,
научиться на иврите жить, смеяться и любить.
Да родительские мальвы на украинском погосте,
да московскую рябину возле дома не забыть...

Татьяна Кайзер, размышляя, нацеливает читателя на «стремление к развитию своих личностных возможностей, раскрытию собственного потенциала. Значит, в мотивациях к успеху непременна согласованность уровня притязаний с собственной самооценкой, чтобы не испытывать дискомфорт при несоответствии между убеждениями и поведением. Но каково целеполагание: ублажение тщеславия, наслаждение, обретение материального благополучия, стабильности или взращивание и реализация духовного потенциала?» Сначала успех

оплачивается, затем тебе предлагают публиковаться «без денежной подпитки», приглашают выступать, участвовать в судействе конкурсов…

«Запущенная суматошная круговерть, похоже, стала вскармливать тщеславие, гордыню, увеличивая уровень активности и напряжения и ухудшая эффективность прежней духовной работы. А ведь еще Платон говорил, что, если человек теряет способность противостоять своим желаниям, это происходит потому, что он либо не знает, в чем заключается истинное благо, либо это знание на какое-то время затмевается вспышкой желания. Однако ситуация дала шанс вернуться к самопознанию. Пауза. Время, даруемое для жизни, познания собственной души, для духовной работы вдруг стало несравнимо весомее достижений любых успехов материального мира. Темы литературных работ в целом не изменились, но подход к ним стал более целенаправленным, углубленным, осмысленным. И стремление – не обрести больший успех и популярность, а успеть многое понять и высказаться, поделиться радостью открытий, осветить другим, быть может, что-то в их неясностях и сомнениях, тем самым прямым или косвенным образом способствуя достижению благих целей другими». Главное – не оказаться в нужное время в нужном месте, а непрестанно трудиться. «И хорошо, когда идешь с сопутниками-пилигримами, непременно обладающими расширенным сознанием, наполненными радостью и любовью к миру, с активной жизненной позицией, творящими добро и несущими свет».

Нина Садонцева повествует о добрых мудрых чешских стариках-«сеньорах» из Карловых Вар, живущих в её памяти, и «Виноградной косточке».

«Там горы высокие» от Александра Василенко прочла с удовольствием и неизменной мыслью: «Чему смеётесь? – Над собою смеётесь!.. Эх вы!..»

И вспомнились слова К. Э. Циолковского про «землю – колыбель разума» и текст детской песенки:

Там горы высокие,
Там степи бескрайние,
Там ветры летят, по проселкам пыля.
Мы – дети Галактики,
Но самое главное –
Мы дети твои, дорогая Земля!
[…]
Не изменится этот порядок вещей,
И настигнет меня, и припомнится мне
Притяженье Земли, притяженье друзей,
Притяженье любимой в далеком окне.

Мне действительно было не только смешно, но и грустно, поскольку автор на грани фантастики живописует горе-террористов, безуспешно воюющих с собственноручно – от лени – созданными монстрами…

«– Ты мурлыкать-то умеешь?

– Умею, – ответил гениус и выдал руладу.

– Красиво, – одобрил Борис, а сам подумал: тоже мне, поймали страшного врага – гениуса. Кот он обыкновенный – и ничего более. Большой уютный кот. А я его по дурости

убить собирался. – Слушай. Ты уж не злись на меня, что мы тут... Это такое дело, котяра... За людей ведь обидно!.. Как же так?! Сто лет – и всем конец!

[…] Стояла прохладная сибирская осень.

Дозорный поселка, уютно раскинувшегося в саянских предгорьях, протер слипающиеся глаза: в предрассветных сумерках по тропинке поднималось, тяжело ступая, странное, никогда не виданное им существо. То ли мадонна с ребенком, то ли двухголовый “тянитолкай”».

(Тянитолкай – вымышленный фантастический персонаж из детских сказок Корнея Чуковского и Хью Лофтинга. По одним данным Тяни Толкай – антилопа, друг доктора Айболита, по другим – сказочный конь с двумя головами.)

Ели Видева делится «Этюдами», в частности:

Верх

Я хочу остаться камнем.
Но трава во мне
и мягкая... и вечная...

Известно, что в шахматах пат – это не так уж плохо: это ничья. Но в жизненных ситуациях и в книгах это тупик, из которого нет выхода, и тогда автору следует спасать своих персонажей изменением сюжета. В «Круговороте жизни» успешной героине Гали Карааргировой в патовой, казалось бы, ситуации предоставляется шанс обрести своё счастье.

Драгомир Мирчев представлен в переводах с болгарского языка Вани Ангеловой и Мины Карагезовой. Мудрость от Драгомира:

- *Не плюй в чашу терпения.*
- *Классный бюст – классная карьера.*
- *Женщина всегда на одну грудь впереди.*
- *Он вошёл через задний вход в историю и*
  начал писать её с зада наперёд.

Тодорка Николова вспоминает поездку в Москву, Димитровград, Тольятти, Ульяновск. «В этот день по Волге прошел смерч. Вначале извивались огромные, скрипящие столбы воды, а стрелы двух прибережных кранов сломались как спички, рвались железные дороги, рушились мосты и дома. Маленькие «метеорчики» по большой реке ударялись один в другой, но уцелели. Как будто чудом! Там, в одном из них, приютилась и я по пути из Тольятти в Ульяновск.

[…] Смерч уже отшумел, и по улице Минаева уже продвигалось необычное шествие. У меня было ощущение, что здесь столпился весь город с огромными, красивыми букетами. […] …иногда для признания и ста лет недостаточно.

[…] Я не знаю сколько километров мы прошли в эту ночь – пять ли, десять ли, сто ли, но это хождение по Гончаровским местам не утомило ни одного из нас. Даже мышечная лихорадка не отдалила нас от очарования ощущать другую, незнакомую нам атмосферу. Там, где Гончаров вдохновлялся на написание своего романа «Пропасть», пить ледяную воду,

которая вытекает из дна пропасти, сидеть на скамейке, на которую садился автор «Обломова» – там как будто и воздух особый». Речь безусловно, об «Обрыве».

Второй рассказ Тодорки – «Весёлое воспоминание об одинокой лошади», или то, чего не может быть:

«– Вот она!.. – вскрикнула я спонтанно. – Это моя лошадь! Я узнала ее по черному седлу с красной каймой. Вернулся...

Мои попутчики в купе смотрели на меня странно. Один из них даже покрутил пальцем у виска, чтобы показать, что у меня крыша поехала. Что за лошадь, что за седло!.. „Ты что, о Болгарии вспомнила? Вот что делает ностальгия с человеком...“

А моя лошадь действительно стояла на станции. Ждала дождя… и новых пассажиров до Красного бора и Беклемишева [странно, но в Болгарии есть деревня с таким названием]. Точно так, как мой слепой друг в дождливую погоду топит русскую баню докрасна. На всякий случай!»

Коротенькая заметка-воспоминание «Мои милые северные девчата» – о первой поездке в Удорскую тайгу: «Милые мои северные девчата! Как поживаете? Работаете наравне с мужчинами: и на эстакадах, и в тайге?.. А вечером возвращаетесь уставшие, но довольные трудным своим днем. В ваших светлых глазах отражаются краски всех северных сияний. С ветвей падает снежная пыль и делает ваши волосы серебряными. Снег спокоен и чист. Тихо потрескивает береза. Один день, полный красоты».

Фрагмент статьи с Информационного портала «Красное знамя», декабрь 2012 года: «Совместная с болгарскими лесозаготовителями заготовка древесины в Удорском районе – одно из самых ярких событий в истории Коми края в минувшем столетии. Оно же, пожалуй, и одно из самых спорных, поскольку, несмотря на то что болгары закрыли совместные предприятия уже более 20 [30] лет назад, до сих пор можно наткнуться в интернете на рассуждения об их „тлетворном“ влиянии. Другие, наоборот, считают, что болгары принесли цивилизацию в забытую Богом Коми глубинку. Однозначного мнения нет и никогда не будет».

Светлана Романова напоминает изречение И. Канта: «Две вещи наполняют душу всегда новым и всё более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звёздное небо надо мной и моральный закон во мне». Чтобы Светлана уважала человека, он должен быть честным. Говоря об успехе – дьявольском и маленьком – она приводит слова великолепной Александры Бруштейн из книги «Дорога уходит в даль...»: «В общем, вот тебе моё последнее слово: по дороге на костёр смотри себе под ноги – не толкни старую женщину, не урони на землю ребёнка, не отдави лапу собаке».

«И так же – по дороге к успеху!» – заключает Светлана.

Юлия Ольшевская Хатценбёллер, «Певец эпохи Рагнарёк»: Рагнарёк, или Рагнаро́к (*др.-сканд*. Ragnarök, Ragnarøkkr – букв. «Судьба богов», «Сумерки богов»), в германо-скандинавской мифологии – гибель богов и всего мира, следующая за последней битвой между богами и хтоническими чудовищами. Предвестием Рагнарёка явились смерть бога Бальдра, а затем нарушение родовых норм, кровавые распри родичей («детей сестёр»), моральный хаос. Сюжет о Рагнарёке присутствует в «Речах Вафтруднира», «Старшей Эдде» и «Младшей Эдде».

Средневековою зимой

Путь пилигрима сбивчив, труден
Как речь поэта...
Вновь домой
Бредут, не чуя ног, домой
Чумой измученные люди –

Восточных войн.
[…]
Сон-мотылёк
В моей забившейся ладони.
Певец эпохи Рагнарёк
С девизом древним на пластроне:
Incipit vita nova!

И будто продолжением новой жизни – новый день в Гейдельберге:

[…] Припомни-ка
Мое имя чудесное – промельком,
Тенью солнечных зайчиков,
Тоненькой
Зазвеневшей капелью...
Закружилось на улице праздником,
Сонмом радостных снов новогодних,
Дней рождественских...

Посещаем вместе с Юлией маленький островок Бурано близ Венеции – с бурановскими кружевами и Вечной Музыкой, переплетающимися с кружевами снежинок слов и дождя:

Квинта, кварта, октава и терция –
Как снежинки ложатся слова
Здесь – в мерцающей зимней Венеции:
Кружева, кружева, кружева
Вечной Музыки...

Тень в Париже мелькнув, в Гейдельберге ли?
Между створками строф проходя,
Лишь на миг замерев перед зеркалом
Из мерцающих кружев дождя...

Не устою перед соблазном привести стихотворение «Шар земной на ладони…» полностью:

Сколько можно карабкаться?
Дней серебряных низка:

Новостройки Каракаса,
Белый хмель Сан-Франциско.

Расшифрована Персия –
Шмель, шуршащий в бутоне
Диких роз.
Спелым персиком,
Зрелым солнечным персиком –
Шар земной на ладони.

Ошибаясь и радуясь,
Льдинкой хрупкою стала,
Путь срезала по радуге
И опять танцевала!

Но, приняв эти мелочи,
Снова стать невозможно
Той смеющейся девочкой,
Что заметит художник.

Неповторимые, точные – и столь узнаваемые образы: «Сосна, что прячет янтарь; Хрусталь во чреве горы; Тень – от полночных цветов / В полураскрытом окне...; Рублевский голубец и всплеск лазури; Мир, залигованный войной».

И ещё:

***

Топкий сумрак
старинной картины,
Чуть затепленный медленный свет...
Золотой черепахой Тортиллой
Легендарных и блекнущих лет
Ты вплываешь.

Молчащие шторы.
Гулкой мглою окутанный дом.
И – немым осторожным укором –
Остров сада за тёмным окном.

Свет, затепленный в сумерках пёстрых,
Обозначит извечность Игры,
Как фантомные боли бесхвостых
Юрких ящериц Медной горы.

И опять – кружева: Гейдельбергского снегопада…

[…]
Рвётся призрачная нить
Ариадны, рвётся нить
Из седых баварских кружев.

Дни в преддверье Рождества,
Шоколад, листочки чая... […]

И вот мы уже в Оденвальде – регионе на стыке трёх немецких земель: Гессена, Баварии и Баден-Вюртемберга – отличающемся гармоничным сочетанием лесистых гор, плавных зелёных холмов с виноградниками и необъятной и плоской, как стол, Верхне-Рейнской низменностью:

Свежо и радостно – и странно –
Матисса крупными мазками –
Стихи заполнили тетрадь:
Сияй, немецкая Тоскана,
Сияй, прекрасная Тоскана,
Лазурно-синий Оденвальд.

И опять «Рагнарёк – многоликая эра», смело уводящая нас «Рождественской дорогой пилигримов» в Ладенбург – один из первых и самых известных городов, основанных в регионе Баден-Вюртемберг; самый старый город на правом берегу Рейна. Кельты основали здесь поселение ещё в III в. до н.э.

Читая рассказ-быль Марины Симоновой «Счастлив тот…», думаю: «Волки и овцы!», – поэтому не удивляюсь, встретив в стихотворении «И счастлив ты…» слова:

И лишь теперь ты для себя открыл,
Пройдя сквозь все поганые болотца,
Что сосуществовал ты, а не жил,
Что к радости Волков плодятся… Овцы.

Вслед за этим стихотворением начинается Марина, которую иначе, как «раскрывая с изумленьем рты!», не читают: сплошные стремительный бунт и безудержное ликование!

[…]
За каждое не сказанное: «Кыш!»,
Не порванную в страхе паутинку,
За то, с каким почтеньем ты стоишь
И уступаешь муравью тропинку.

И что молчишь, дыханье затая,
И чувствуешь, как мир в ответ ликует...
Средь избранных есть ты, и вы, и я –
Все те, кто под собою ног не чует!

Летим с фоторужьем наперевес,
От междометий собственных охрипнув,
В такой – на том стихов похожий лес,
Где на ветвях висят сплошные рифмы!

И раскрывая с изумленьем рты!
Под дудочку природы снова пляшем...
И этим поливаем мы… цветы,
В душе произрастающие нашей!

Герой рассказа Эвелины Цегельник «Санька» напомнил мне и Ваньку Жукова, и Куллерво, с той лишь разницей, что персонаж «Калевалы» – непотопляем, неистребим. Смею надеяться, что верно распознала пикантный поэтический образ, так впечатливший героя: «А Саньке чёрное гнездо ещё долго снилось. На всю жизнь запомнил». Тонкий юмор…

Подборку Вилли Ро в переводе В. М. Стафидова, А. Янковой, Н. Каретниковой, О. Мальцевой-Арзиани я обозначила бы строками:

Душа-пилигримка – крест и судьбина –
Ищет меня в далёких чужбинах,
Чтоб уберечь, чтобы я не погибла.

«Записки Жанны. Я и война»: Тома Блюм вновь заставляет читателя думать: «Я! Что я и кто?! […] Инанна, Иштар, Истар, Ашторет, Астарта, Анунит, Нана, Кибела, Изида, Афродита, Венера... – великая и единственная Богиня-Мать. И не только одного богочеловека, а рождающая дитя за дитём, у каждого из которых своя задача (возможно, не только на Земле…). Когда-то ОНА представлялась как та, от которой произошла Вселенная, прославлялась как Дева и Мать, дающая рождение, в том числе богам. Она – одновременно Царица Земли и Царица Небес. […] ОНА – воплощение репродуктивных сил в природе. Но к тому же ОНА и Богиня войны, потому-то в её руках лук и колчан со стрелами, иногда меч.

УМИРОТВОРЕНИЕ – ТВОРЕНИЕ МИРА! Как же это многогранно!»

Ирина Сапир – чья героиня в вечном поиске истины и ответов на непростые вопросы, выборе пути, в мыслях – неизменно «за пределами повседневности».

К поэзии Игоря Хентова благоволю: «Письмо Колумбу», «Без названия», «Яша Хейфец», «Вивальди»…

Неизбывная тема «Еврей – это не национальность! Еврей – это судьба!»:

Дело в том, что средь этой паскудной оседлости
У евреев был в жизни один только выход –
Стать лишь лучшим из всех в роковой повседневности,
Обошло чтобы дом неизбежное лихо

Со стыдом, униженьем, шальными погромами,
Болью сердца несносной, душевными ранами.
Ах, как скрипочка пела над нивами вольными –

Позже чуть над её оценившими странами!

Жизнь не только еврея случается страшной –
Беспрерывно звучат за кадишами тризны,
А ему повезло – мир любовно звал Яшей
С детских пор и на всём протяжении жизни.

Мой внук дружил с Димой Хейфецом…

«Свадебный подарок» Зои Димовой – явно «не моё». Судите сами: «Несколько часов безнадежный больной смотрел на мёртвое лиловое лицо и наконец прошептал:

– Как тебе идет синий, любимая!..» Пахнет некрофилией.

Валентина Бендерская и Леонид Колганов: кастальский ключ. Воплощение всего.

(Кастальский источник – ручей, расположенный около города Дельфы на южном склоне горы Парнас. В Древней Элладе его почитали как божественное место, где обитал Аполлон – бог света, покровитель искусств и предсказатель. Здесь же под его покровительством проживали и музы.)

Кадиш – от Елены Ханиной: «Гриша Левин». Елена благодарна Грише за дружбу и за то, что помог в своё время сделать выбор специализации – не в пользу психиатрии. Стихотворение «Безумие» – продолжение «медицинской» темы. Столь же задиристо и «стихо» – «Пилигримы»:

А пилигримы осели на месте.
Не верят ни людям, ни богу, ни прессе.

Из разряда реквиемов – и «Левиафан»:

Ну, как там война? Да, я имею в виду Украину.
Левиафан там бывал, взрывают дома, много гари.
Глазницы домов слепые, без окон – рыдали.
Старуха ползла, чертей, то есть нас, проклиная.
«Возьми!» – просила у Бога. – «Не вынести смерти сына».

И «Эверест» – тоже:

Покорить Эверест, натыкаясь на тех, не дошедших,
Превращённые в лёд их тела провожают тебя.

«Пируют черти в преисподней» и «Не гони меня в щель» – гражданская лирика, но в принципе – тот же кадиш:

Ломаются, как вазы, страны. И на закате двух эпох
Выходит люд, безумный, странный. И говорит, что умер БОГ!

Но хочется закончить обзор на оптимистической ноте – от МГП и Ольги Фокиной, соучредителя (с Максимом Сафиулиным) Международного поэтического конкурса «Несу добро в ладошках!»: «…мы ставим... нет – не точку, а только запятую в общем содержании,

так как всем нам есть о чём ещё подумать в продолжение высказанных в этой книге писателями мыслей».

3. Союз

В альманахе представлены болгарские писатели и члены МГП. Был соблазн рассмотреть их произведения по отдельности, но всё же я придерживалась концепции авторов проекта – крепить Союз:

Как вожделенно жаждет век нащупать брешь у нас в цепочке.
Возьмемся за руки, друзья, возьмемся за руки, друзья,
Чтоб не пропасть по одиночке.

Пути Господни неисповедимы, и кто знает: быть может, в один прекрасный день я встречусь с многочисленными старыми и новыми друзьями в Сантьяго-де-Компостела – в клубáх ботафумейро, самого большого в мире кадила, начиная с XI века использовавшегося в главном соборе галисийской столицы, поскольку дым ладана был не только важной частью литургии Oratio ad Deum, но и профилактическим средством во время чумы и эпидемий, что вдруг стало безумно актуальным в XXI веке.

А может, встреча суждена в Сантьяго-де-Чили… Были б живы!